

**СТРАНИЧКА ИЗ ЖИЗНИ ГРИБОЕДОВА
(НЕИЗДАННЫЕ ПИСЬМА
Ф.В.БУЛГАРИНА К Н.А.ПОЛЕВОМУ)**

1

Письма Ф.В.Булгарина к Н.А.Полевому от 27 октября 1824 г. и 30 апреля 1827 г.; публикуемые ниже, имеют своеобразную историко-литературную судьбу.

Их общее содержание известно по “Запискам” Ксенофонта Полевого, пересказавшего их по памяти довольно близко к тексту; они были памятны мемуаристу, ибо отмечали два поворотных пункта во взаимоотношениях его брата с влиятельным петербургским журналистом. Первое из этих писем – 1824 года – было особенно важно, потому что касалось ближайшей предыстории “Московского Телеграфа”.

В середине 1824 г., – рассказывал Кс. Полевой, – брат решил на издание журнала и отправил прошение и программу министру народного просвещения. Слухи о новом московском издании быстро распространились, и первая реакция последовала со стороны Булгарина и Греча, с которыми Полевой поддерживал тесные отношения и литературное сотрудничество; в то время они готовились издавать газету “Северная Пчела”, меняли план своих журналов – “Сын Отечества” и “Северный Архив” – и были заинтересованы в Полевом как участнике. Булгарин отговаривал его от непосильного журнального предприятия, предлагал выгодные денежные условия, хотя и выражал опасение, что его, Булгарина, противники уже “впились” в Полевого “в приятной надежде перебраниваться в новом журнале с своими недругами”¹.

Кс.Полевой рассказывал далее, что это письмо, “приятельское и искреннее”, было понято его братом как попытка устранить и даже подкупить возможного конкурента и произвело действие, обратное желаемому, расстроив отношения корреспондента и адресата. В.Н.Орлов, комментатор его записок, разыскал отзвуки этого письма в печатных полямиках “Московского Телеграфа” и дал филологическую критику ме-

муаров: точно излагая факты, Кс.Полевой искажил общую картину в духе своей позиции 1850-х годов, когда отношения его с Булгарин-ным стали весьма лояльными. Подлинным текстом письма не располагали ни исследователь, ни мемуарист; оно считалось утраченным.

Между тем оно сохранилось. Вместе со вторым публикуемым нами письмом оно находится ныне в отделе рукописей Российской государственной библиотеки (РГБ, бывш. ГБЛ)². Это второе письмо также весьма интересно для изучения журналистики 1820-х годов, но мы его касаться здесь не будем: оно требует особого исследования, выходящего за рамки нашей темы. В письме же 1824 г. нас будет интересовать преимущественно то, о чем Кс.Полевой не упомянул в своих мемуарах: содержащаяся в нем характеристика Грибоедова.

Знакомство с подлинным текстом этого письма полностью подтверждает вывод В.Н.Орлова о стилизованности его пересказа у Кс.Полевого. Мемуарист не только опустил частные факты и детали, что естественно при передаче по памяти, – он сместил акценты и сгладил позиции, изменив саму тональность эпистолярного диалога. Из его рассказа ушло все, что сказано в письме намеком, понятным лишь в конкретной литературной ситуации. Но чтобы восстановить ее, нужно выйти за пределы и мемуаров, и самого письма.

2

Ксенофонт Полевой рассказывал, что брат его давно лелеял план своего журнала, но после неудачных переговоров с несколькими возможными сотрудниками решил издавать один.

Мы знаем сейчас, что это неверно и что мемуарист – едва ли не преднамеренно – совершенно обошел фигуру Вяземского, основного вдохновителя “Московского Телеграфа” при его возникновении. Между тем тень Вяземского все время стоит за строчками булгаринского письма, он – один из “знаменитых”, он – скрытый противник, ожидающий случая “выкататься” эпиграммами, он – адепт и родственник Карамзина, к которому Булгарин питает устойчивую неприязнь еще со времени полемик с его “Историей” в “Северном Архиве” 1822 г., наконец, он – журнальный союзник непримиримого врага Булгарина – Воейкова. Но все это – Вяземский неназванный, обрисованный намеками; названный же Вяземский – “друг Польши”, автор знаменитого “Негодования” – ходившего в рукописи поэтического манифеста либеральных и радикальных кругов, предмет любви и уважения автора письма. Признание в любви, конечно, рассчитано на передачу Вяземскому: Булгарин, без сомнения, знает об его укрепляющихся связях с Полевым и даже об их журнальном альянсе.

Все вместе составляет сложный узор литературной интриги, где сплетены посулы, предупреждения, угрозы, предложения мира, открытая апология и скрытая диффамация; весь этот комплекс формирует своего рода поэтику письма. Следы этой поэтики улавливаются в печатной полемике Булгарина с Вяземским: в “Литературных листках” 1824 г. он нападал на анонимно напечатанную статью Вяземского, делая вид, что не догадывается об имени автора и советуя ему обратиться к князю Вяземскому как к признанному авторитету, он предлагал анониму-Вяземскому издать свои сочинения, чтобы убедиться, что они не расходятся, и цитировал при этом строчку из Вяземского³. Резкость нападок на Вяземского в этой статье была прямо пропорциональна уважению, которое Булгарин демонстрировал к его литературному имени.

Здесь нам следует, однако, отвлечься, чтобы напомнить читателю, как развивались взаимоотношения антагонистов в 1824 году.

В октябрьском письме Полевому Булгарин отсчитывал начало своих открытых разногласий с Вяземским со статьи последнего “Замечания на краткое обозрение русской литературы 1822 года...”. Спор шел как о частных оценках, так по более общему вопросу о роли книготорговцев и читателей в общем движении литературы возражения Вяземского были корректны, и он полагал выступить с ними в “Сыне Отечества”, а не у Воейкова, учитывая, что Воейков “все еще в ссоре с Булгариным”⁴. Ему, видимо, не было известно, что “ссора” уже перешла в ожесточенную вражду. По каким-то причинам статья попала все же в воейковские “Новости литературы”, – и Булгарин расценил это как враждебный акт. Самый факт полемики, даже с “личностями” в его представлениях, по-видимому, не выходил за пределы нормы журнальных взаимоотношений, – полемика же, пусть и осторожная, со страниц воейковских изданий ощущалась им как своего рода литературный заговор. 20 октября 1824 г., за неделю до письма Полевому, А.Е.Измайлов рассказал в письме П.Л.Яковлеву о подобном же эпизоде, происшедшем накануне и, вероятно, наложившим отпечаток на булгаринское письмо. Измайлов показал Булгарину памфлет на него И.Р.Раджицкого “Улан”, где было “собрано все, что Бул<гарин> врал о военной службе”. “– Дай мне, я напечатаю (Ср. в письме Полевому упрек Вяземскому, не пожелавшему полемизировать с Булгариным в его издании. – В.В.). – Нет, любезный крестник, сам снесу к Александру Степановичу (т. е. цензору измайловского “Благонамеренного” А.С.Бирукову. – В.В.), а если он не пропустит, то,

по назначению сочинителя, отошло к Воейкову. – Булгарин выско-чил за мною на крыльцо, полчаса продержал меня там, предлагал мир, звал к Гречу в четверг, словом, вилял около меня, как сука”⁶. Заметим в этой колоритной сценке неожиданное сочетание журнального интриганства с простодушием бытовых взаимоотношений: игра идет в открытую, обнажаются тайные пружины интриги, которая приобретает как бы игровой характер.

Вернемся, однако, к Вяземскому. В январе–марте 1824 года раз-вертывается новая полемика: Булгарин оспаривает мнение Вяземско-го о преимуществах басен И.И.Дмитриева перед баснями Крылова, высказанное в статье “Известия о жизни и стихотворениях Ивана Ивановича Дмитриева”. Позиция Булгарина выглядит убедитель-нее; печатные возражения Вяземского принимаются сдержанно даже его друзьями. Но и здесь полемика не переходит в памфлет, обе сторо-ны соблюдают правила литературного этикета; Булгарин признает в жизнеописании Дмитриева “необыкновенную остроту ума, глубо-кое знание света и много полезных истин, изложенных с живостию и красноречием”⁷. Вяземский вынужден объясняться; он досадует, что Булгарин – “литературный Фигаро” – искажил его позицию и “клеп-лет” на него, “как на мертвого”. “Бог знает, что заставляет он меня говорить в выписках своих из биографии, – жалуется Вяземский Бес-тужеву 9 марта 1824 г. – Если он меня не понял, то Бог с ним, а если перетолковал, то грешно”⁸. Он пишет ответ – “Несколько вынужден-ных слов”; 11 марта А.Тургенев сообщает ему: “Булгарин просит меня напечатать твою статью в его журнале”⁹. Вяземский, однако, наме-рен печатать у Воейкова или у Греча; уступая советам Тургенева, он выбирает “Сын Отечества”¹⁰. Этот ответ, как и другие, лоялен по фор-ме, но раздражение полемистов нарастает. Перелом происходит в ап-реле–мае, после выхода “Бахчисарайского фонтана” с предисловием Вяземского и полемического выступления Михаила Дмитриева в “Вес-тнике Европы”. Вяземский отвечал на страницах “Дамского журна-ла” П.И.Шаликова и воейковских “Новостей литературы”. Журналь-ная война очень быстро приобрела памфлетный характер и породила целую эпиграмматическую литературу¹¹. В этой войне союзника-ми Вяземского оказались Полевой, пославший в “Сын Отечества” какую-то статью с опровержением Дмитриева (1 мая Вяземский спра-шивал Тургенева, будет ли она напечатана¹²), и Грибоедов, с кото-рым он сближается еще в 1823 году; противником, кроме Дмитриева, – А.И.Писарев, осыпавший “Грибуса” и “Мишурского” эпиграмма-ми и сатирическими водевильными куплетами.

К этой-то последней группе и примкнул Булгарин, поддержав Дмитриева и “Вестник Европы”. В анонимном “Маленьком разгово-ре о новостях литературы” он резюмировал журнальную перепалку.

“На поприще русской словесности появился новый критик, разбирающий предметы основательно, глубокомысленно, с весомостью и игривостью ума, критик, знающий язык и словесность,” – М.Дмитриев. И далее – выпад в сторону Вяземского, которого он отныне окончательно зачисляет в “партию Воейкова”. “Потише, потише! Если знаменитые мои друзья услышат твои суждения, то назовут тебя невеждою, безграмотным, педантом желчным – и... всем, что есть дурного в мире”. “Знаменитые друзья” – словцо Воейкова, ставшее в полемиках поговорочным речением. “Итак, – заключал Булгарин, – в кругу ваших друзей нельзя иметь своего собственного мнения? – Нет! Мы точно, как телеграфы, только повторяем слова и движения первого из нас, который подал голос”¹³. 20 мая Вяземский откликается эпиграммой:

Михаил Дмитриев! Теперь ты вовсе чист.
Клеврет твой – Писарев, и Каченовский – барин.
А похвалой тебе позорный лист
Скрепил Фаддей Булгарин.

26 мая он отправляет Тургеневу и эпиграмму на “телеграфы”:

Ты прав! Равны у нас движенья:
При виде низкого и злого дурака
У каждого с сердец поднимется рука
И опускается с презренья.

3 июня Тургенев ответил ему:

“Получил письмо твое от 26 мая с <...> сильной эпиграммой на Булгарина, напомнившей тебя прежнего, прочту ему самому”¹⁴.

3

Литературные силы поляризовались, таким образом, уже к середине 1824 года, когда Полевой подал в цензуру свое прошение о “Московском Телеграфе”, а Булгарин и Греч – о разрешении разделить журналы “Сын Отечества” и “Северный Архив” и литературные приложения к ним на три издания – “Сын Отечества”, “Северный Архив” и “Северная Пчела”. Последнее прошение было подано 29 мая, рассматривалось 23 июня, но положительное решение по нему было вынесено лишь 18 сентября. В письме Полевому Булгарин глухо упоминал о покровительстве “министров”; осведомленный А.Я.Булгаков передавал позднее, что Булгарин “причелся в родство к Лобаржевской” – возлюбленной, а впоследствии и жене министра народного про-

свещения А.С.Шишкова, благодаря которому и «зажужжала “Северная Пчела”»¹⁵. Тогда же, 29 мая, Булгарин просил о разрешении “Пантеона драматической поэзии”, переименованного затем в “Русскую Талию”. 25 сентября петербургский цензурный комитет разрешил издавать книгу и рассматривать ее в цензуре не Министерства внутренних дел, а в Министерстве народного просвещения¹⁶.

Булгарину были очень нужны сотрудники и очень не нужны противники, в особенности сильные и располагавшие собственным журналом.

Его письмо от 27 октября было и предложением мира и – в случае неудачи – попыткой расстроить складывающийся союз Вяземского и Полевого. Николай Полевой правильно понял его письмо. Впрочем, он, кажется, ответил, что собирается “наблюдать дружбу и мир”¹⁷.

Но – как это ни покажется странным – Ксенофонт Полевой, вспоминая об “искренности” и “прямом, добром порыве” Булгарина, был также не совсем неправ. Булгарин, конечно, предлагал сделку, – но о намерениях и даже опасениях своих говорил с совершенным чистосердечием. Никакого тайного умысла письмо не содержало. Это был тот же тип поведения, какой мы могли заметить в сценке, рассказанной Измайловым.

Но здесь в действие включается еще одно лицо, непосредственно втянутое в завязавшийся клубок взаимоотношений, это лицо – Грибоедов, приехавший в Петербург 1 июня 1824 г. с письмами Вяземского, рекомендовавшего его Карамзину и всему кругу своих петербургских друзей.

4

Личное знакомство Грибоедова с Булгариным происходит у Греча в первую же декаду июня. Вспоминая о нем, Булгарин упомянул, что его “жесточайшие <...> противники литературные были старые приятели, родственники или даже питомцы Грибоедова”, – вероятно, имея в виду В.Ф.Одоевского, Кюхельбекера и Вяземского. “Все, что окружало Грибоедова, говорило ему против меня, потому что я тогда занимался литературной критикой и говорил *резкие истины*”¹⁸.

Булгарин отмечает факт предубежденности, но объясняет его наветами недоброжелателей. Между тем о позиции Булгарина Грибоедов судил, конечно, не по рассказам. На его глазах издатель “Литературных листков” печатно поддержал его литературных противников – «холопов “Вестника Европы”».

Это свежее литературное впечатление, по-видимому, постепенно сглаживалось тем неподдельным восхищением, с каким Булгарин принял “Горе от ума”, и “ласковостями”, оказанными им Грибоедо-

ву в первые же недели знакомства, о чем Грибоедов вспоминал в письме к нему в начале октября 1824 г. Литературная и бытовая ипостась личности расходились, корректируя друг друга.

В этот момент, как раз в июне 1824 года, на глазах Грибоедова развертывается новая интрига, главным лицом которой был Булгарин, – ссора с Дельвигом, едва не приведшая к дуэли. Булгарин от дуэли отказался, и Дельвиг, по рассказам, якобы послал ему “ругательное письмо за подписью многих лиц”. Сохранилась записка Рылеева, из которой как будто следует, что Булгарин искал примирения. “Дельвиг соглашается все забыть с условием, чтобы ты забыл его имя, а то это дело не кончено. Всякое твое громкое воспоминание о нем произведет или дуэль, или убийство”¹⁹.

“Громкое воспоминание”, однако, последовало под прозрачным покровом памфлета – в фельетоне “Литературные призраки”, вышедшем в свет в начале сентября²⁰. Дельвиг был выведен в числе безграмотных поэтов-подражателей под именем Лентяева, наряду с Неучинским (Баратынским), Борькиным (Б. Федоровым) и Фиалкиным, в котором угадывались черты кн. П.И.Шаликова. Им был противопоставлен подлинный литератор Талантин – Грибоедов; суждения его о литературе были воспроизведены почти буквально²¹.

Положение Грибоедова оказывалось двусмысленным.

До публикации “Горя от ума” его права на роль литературного ментора уже известных поэтов были более чем сомнительны, и фельетон Булгарина делал его очень удобной мишенью для сатирических нападок. Но этого мало: Булгарин вовлекал его в качестве своего союзника в литературный скандал, в котором попутно сводил и личные счета.

Вяземский писал Жуковскому о “подлом и глупом” разговоре Булгарина, в котором он “обсаливает” лъстивыми похвалами прежнего “врага” – Грибоедова²².

Так возникает известное письмо Грибоедова Булгарину от начала октября 1824 г. – письмо раздраженное и холодное, о прекращении начавшихся дружеских отношений, причиной выставляются неуместные и преувеличенные (или “предускоренные”) похвалы. О том, что эта причина – не единственная, кажется, говорит загадочная фраза: “Гречу объясню это пространнее... а может быть, и нет, как случится”²³.

Гречу он пишет около 24 октября: “Скажи Булгарину... да нет! Я сам скажу, он меня поймет!”²⁴

Личность к личному объяснению – первый шаг к примирению. Восторженная характеристика Грибоедова как поэта и человека в письме Полевому от 27 октября – знак того, что примирение состоялось.

Если, как мы предполагаем, публикуемое письмо Булгарина действительно написано по свежим следам объяснения с Грибоедовым, то очень вероятно, что оно несет на себе рефлексы этого разговора, о котором мы ничего не знаем. Мы знаем однако, как Булгарин вел себя в подобных же ситуациях: например, во время двух ссор с Рылеевым, в 1823 и 1825 гг. Письма его, относящиеся к этим эпизодам, довольно близки к публикуемому письму к Полевому, а письмо Рылеева Булгарину от 7 сентября 1823 г. как будто предвосхищает письмо Грибоедова. В обоих письмах журнальное и бытовое поведение Булгарина оценивается критерием этического императива, которому корреспондент вынужден принести в жертву дружеские связи. Этот этический императив – кодекс “чести”, занимающий одно из первых мест на шкале моральных ценностей свободомыслящего “либералиста” и декабриста²⁵.

С ним неразрывно связан и соотнесен другой атрибут того же поведения: открытость, искренность, “внеэтикетность”, противопоставляемая условностям и лицемерию общества, Грибоедов пишет Бестужеву 22 ноября 1825 г.: Рылеева “обними за меня искренно, по-республикански”²⁶. Так ведет себя Чацкий. Это, конечно, идеальная модель, которую потом подвергнет критике Пушкин, – но черты ее просматриваются и в поведении самого Грибоедова. Бестужев будет судить о нем по монологам Чацкого. Первое впечатление, вынесенное Вяземским из общения с Грибоедовым – ум и “пылкость”, и он будет повторять затем эту характеристику. Почти все дружеские письма Грибоедова отмечены этой чертой “пылкости”, – едва ли не сознательно культивируемой: Грибоедов прекрасно знал и учитывал и законы светского этикета. И та же черта своеобразно отражается в мемуарах о нем. Бестужев, прочитав “Горе от ума”, скачет к автору просить знакомства, ибо разгадал его сердце; Грибоедов дружески сжимает его руку: “Так должны знакомиться люди, которые поняли друг друга”²⁷. Булгарин рассказывает, что они с Грибоедовым “знали с первой минуты, как обойтись друг с другом”. И в другом месте: “он быстро взглянул на меня, схватил за руку и сказал: “Ничто в мире не разлучит нас” и т. д.”²⁸.

Но именно с этой моделью было соотнесено и поведение самого Булгарина, и это обстоятельство в значительной мере определяло отношение к нему, например, Рылеева и Бестужева. Далеко не всегда выдерживая критерий “чести”, оно, как правило, удовлетворяло требованию “искренности”, прямого, импульсивного, “естественного”, внеэтикетного поведения. Выше мы уже видели его примеры; дополнительный материал для наблюдений дают его письма. “С Рылеевым

мы вчера жестоко поссорились и, кажется, навсегда, – пишет он П.А.Муханову 19 января 1825 г. – <...> Но это мне не мешает считать его всегда добрым и честным человеком. Ни говорить, ни писать противу него не стану дурно, ибо во мне есть еще кроха совести. Я не почитаю всех тех дурными, с которыми поссорюсь, ибо я сам болван порядочный, горяч, часто бываю дерзок: это физика – много крови”. И далее – весьма уважительная и даже доброжелательная характеристика своих “врагов” – Кюхельбекера и В.Одоевского, о котором Грибоедов говорит “тьму хорошего”²⁹. И совершенно так же Булгарин писал Полевому о Вяземском.

Вероятно, нечто подобное говорил он и Грибоедову в октябре 1824 года.

Грибоедов рассчитывал, что Булгарин его “поймет” – в том широком и общем смысле, в каком он сам и Бестужев “поняли друг друга”, – но тем самым он брал на себя обязанность “понять” и Булгарина.

Ф.В.БУЛГАРИН – Н.А.ПОЛЕВОМУ

27 октября 1824

Любезнейший и почтеннейший Николай Алексеевич. Не знаю, отчего вы нашли холодность в моем письме²⁵ – верно, вам холодно было при получении – но я все по-прежнему люблю вас и уважаю.

О деле ни слова, покоряюсь судьбе, которая на то создала меня, чтобы каждый примеривал на мне, как на болване, свои плутовские силки²⁶.

Если ваш “Телеграф” еще не воздвигнут, а дело состоит не в больших затеях, то можно бы с нами сладить в рассуждении сотрудничества. Без хлопот, ответственности, брани с цензурой и журналами, без риску и обязанности журналиста, несовместной с званием купца и фабриканта, ибо должно сидеть без выезда в Москве и каждый день быть занятым журналом, – одним словом, если хотите без многих хлопот вступить с нами в сотрудничество и принять на себя труд быть литературным нашим корреспондентом в Москве и сотрудником, то это зависит от вас. Напишите, сколько хотите чистых денег, сколько книгами, и дело сладится без дальних хлопот. Но я пишу, а уверен, что у вас уж есть несколько знаменитых²⁷, которые, как пьявки, впились в вас, чтоб заставить издавать журнал, где бы можно было в рифму выкакатся или поспорить о превосходстве мыльных пузырей перед жемчужинами. Но если вы паче чаяния одни затеваете проект и дело не кончено, то напишите. Впрочем, ваши сочинения, сверх верной заплаты, получают большой круг читателей. По снисходительности

и милости некоторых министров мы получили для “Пчелы” много привилегий по части внутренних и коммерческих известий. Это будет и ново, и занимательно, и надеюсь, что не пропадет втуне. Не думайте однако ж, любезный Николай Алексеевич, чтобы ваш “Телеграф” так нас настрашал, – нет, но нам дорога ваша особа, и потерять такого сотрудника для нас больно. Мы на вас много считали. Ниже двадцать новых журналов нам не повредят, ибо здесь дело основывается на кредите публики, на именах и прежнем круге подписчиков. Но вас нам жаль потерять, и если вы бьетесь не из большого, то мы готовы вас принять с распростертыми объятиями. Напишите только, чего вы хотите, – ясно, цифрами, без застенчивости.

Напишите в кратких словах о содержании “Телеграфа” – и, если хотите, пришлите объявленьице – напечатаем²⁸.

Свиньин приехал, порет на меня в союзе с Борькиным ответ²⁹.

Что это за человек Грибоедов! что за комедия! После Мольера и Фон Визина он у меня первый – вот человек попал на путь национальной комедии. У него не французские маркизы и дюшесы, а Русь святая, со всем злом и добром. Чудо и человек, и его комедия.

Представьте себе: мне один москвич говорил, будто князь Вяземский полагает меня своим врагом и спрашивал, не ругаю ли я его. В своем ли уме князь? Я его люблю, как душу, его, друга Польши, автора “Негодования”, – но проклятый вампир Воейков со всем своим жидовским факультетом; но Карамзин с так называемой “Историей”; но – одним словом, мы не одного мнения на счет литературы, – а как поэта и человека я его ценю всегда высоко, и не только не скажу дурно, но не начал бы даже никогда писать противу него, если б ему не вздумалось поместить (первому) противу меня критики на мое обозрение русской литературы в 5 номере “Архива” 1823. Поместить у Воейкова, у этого филина-разбойника! Может ли быть что обиднее, как будто нельзя было прислать ко мне? – У Воейкова! Притча во языцах! Не надобно ли объявить о вашем словаре?³⁰ Нельзя ли прислать пробную штучку для напечатания? – Стою на коленях и прошу о замечании на Экзарха Болгар<ского>³¹.

Писал бы – да места нет.

Верный Ф.Булгарин.

27 окт. 1824

С.Петерб<ург>

30 апреля 1827

Милостивый государь
Николай Алексеевич,

Не журналисту, врагу моему непримиримому, критику неумолимому, но литератору Н.А.Полевою, который бывал у меня в доме и которого я полюбил в Петербурге, – посылаю мой экземпляр и прошу поставить в скромный уголок своей библиотеки, обругавши сперва порядочно³². Во всяком случае прошу не принимать меня никогда за Д.Р.К., ниже за автора “Кавк.<азских> писем” – я всегда Ф.Б. или Архип Фаддеевич Зеров³³.

Скажите, не стыдно ли нам соблазнять народ беспрестанною бранью? Мы молчали целый год, – а вы, непримиримый журналист, катаете да и только! Мне физически невозможно заниматься перебранками: вы знаете, что я один пишу оригинальные статьи для журнала, кончу роман, имею процесс и проч. Есть добрые люди не только на Д.Р.К., но и на целую азбуку – только давай мысли! Прощайте – вот первое письмо от начала “Телеграфа” – дай Бог, чтоб было не последнее. Благодаря природе и Создателю, я так устроен, что не могу в душе питать ненависти и не сержусь за критики и даже личности. Браните, но если б вы поближе узнали, как здесь шли дела на ваш счет, – то невольно почли <так> бы меня своим уважением. Со временем узнаете – но не иначе, когда будете сами здесь или когда будет здесь кто-либо из ваших *искренних* друзей. С искренним почтением емь

Ф.Булгарин.

30 апреля 1827.

СПб.

№ 3. Экземпляр ваш у Шириева.

¹ Николай Полевой. Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов. Ред., вступит. статья и прим. Вл. Орлова. (Л.), 1934. С. 152–153.

² РГБ. Ф. 178. 8566.14. Первое из публикуемых писем упомянуто в кн.: Мещеряков В.П. А.С.Грибоедов. Литературное окружение и восприятие (XIX – начало XX вв.). Л., 1983. С. 172.

³ Литературные листки. 1823. № 7. С. 282.

⁴ Остафьевский архив. СПб., 1899. Т. 2. С. 300.

⁵ Новости литературы. 1823. Кн. IV. № 19. С. 81–92.

⁶ Левкович Я.Л. Литературная и общественная жизнь пушкинской поры в письмах А.Е.Измайлова к П.Л.Яковлеву // Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1978. Т. 8. С. 160.

⁷ Литературные листки. 1824. Январь. N 2. С. 60.

⁸ Русская старина. 1888. N 11. С. 329.

⁹ Остафьевский архив. Т. 3. С. 17.

¹⁰ Сын Отечества. 1824. Ч. 92. N 14. С. 306–312.

¹¹ См. историю этой полемики: Мордовченко Н.И. Русская критика первой четверти XIX века. М.; Л., 1959. С. 201–207; Эпиграмма и сатира: Из истории литературной борьбы XIX-го века. Т. 1. 1800–1840 / Сост. В.Орлов. М.; Л., 1931. С. 181–231.

¹² Остафьевский архив. Т. 3. С. 38.

¹³ Литературные листки. 1824. N 8. С. 322–323.

¹⁴ Остафьевский архив. Т. 3. С. 45–46, 49, 51.

¹⁵ РГИА. Ф. 777. Оп. 27. N 18. Лл. 84 и след., 140 и след. Русский архив, 1901. Кн. 2. С. 415.

¹⁶ РГИА. Ф. 777. Оп. 27. N 18. Лл. 91–92 об. С. 144–145.

¹⁷ Павлюченко Э.А. Из истории литературного движения 1820-х годов // Русская литература. 1971. N 2. С. 115.

¹⁸ А.С.Грибоедов в воспоминаниях современников / Вступит. статья сост. и подготовка текста С.А.Фомичева; Комм. П.С.Краснова и С.А.Фомичева. М., 1980. С. 394–395.

¹⁹ Рылеев К.Ф. Соч. Вступит. статья и комментарии С.А.Фомичева. Л., 1987. С. 308, 380. Анализ свидетельств см.: Вацура В.Э. Северные цветы: История альманаха Дельвига-Пушкина. М., 1978. С. 28 и след.

²⁰ Литературные листки. 1824. N 16. Билет на выпуск этого номера был получен 6 сентября (РГИА. Ф. 777. Оп. 1. N 370).

²¹ С.А.Фомичев установил близкое соответствие этого фрагмента с воспоминаниями Бестужева о Грибоедове. См.: Фомичев С.А. Грибоедов в Петербурге. Лениздат, 1982. С. 70–73.

²² Гиллельсон М.И. П.А.Вяземский. Жизнь и творчество. Л., 1969. С. 133.

²³ Грибоедов А.С. Соч. Вступит. статья, комментарии, состав и подготовка текста С.А.Фомичева. М., 1988. С. 502.

²⁴ Там же. С. 505

²⁵ Это письмо Булгарина и ответ Полевого не сохранились.

²⁶ Речь идет об имущественном процессе, который вел Булгарин.

²⁷ Об истории этого выражения подробно рассказывал Кс.Полевой (Николай Полевой... С. 153–154, 386–387); впервые ссылку на своих “знаменитых друзей” (Жуковского, Вяземского и др.) Воейков сделал в “Сыне Отечества” 1820 г. (N 13. С. 277), после чего она постоянно цитировалась в полемических целях.

²⁸ Объявление об издании “Московского Телеграфа” было напечатано в “Сыне Отечества” (1824, N 45) и “Северном архиве” (1824, N 13 и 14).

²⁹ Павел Петрович Свинын (1787–1839) – писатель и журналист, издатель “Отечественных записок”; в июне–октябре 1824 г. путешествовал по России. В его отсутствие журнал редактировал Борис Михайлович Федоров (1798–1875), поэт, драматург, журналист и прозаик; в литературных кругах его уничижительно именовали “Борькой”; под именем Борькина выведен в фельетоне Булгарина “Литературные призраки”. В 1824 г. Булгарин вел ожесточенную литературную войну с “Отечественными записками”. “Ответ”

– на статью Булгарина “Возражение на ответ г. Федорова, напечатанный в № 53 “Отечественных записок” (Литературные листки. 1824. № 18. Ценз. разр. 2 октября). Перечень статей Булгарина против Свиньина и Федорова в “Литературных листках”. См.: Литературные листки. Указатель содержания / Сост. М.А.Николаева; Вступит. заметка А.И.Рейтבלата // Новое литературное обозрение, 1996, № 19. С. 396–409.

³⁰ “Словарь” – составленный в это время братьями Полевыми словарь русских писателей, материалы которого потом были переданы ими С.Д.Полторацкому. См.: Николай Полевой... С. 52, 378.

³¹ “Экзарх Болгарский” – книга “Иоанн, Экзарх Болгарский” – исследование, объясняющее историю славянского языка и литературы IX и X столетий. Написано К.Калайдовичем. М., 1824.

³² Об этом письме и обстоятельствах его появления см.: Николай Полевой... С. 270 и след. С ним был послан через книгопродавца А.С.Ширяева (ум. в 1841) экземпляр “Сочинений” Булгарина 1827 г.

³³ Речь идет о критических статьях в “Сыне Отечества” в форме писем, подписанных “Ж.К.” и “Д.Р.К.” Вопрос об их авторской принадлежности до сих пор не решен; под “Ж.К.” обычно понимали Н.И.Греча, под “Д.Р.К.” – Булгарина. Греч печатно возражал против атрибутирования ему статей “Ж.К.”, обещая представить доказательства. Полевой был убежден, что статья против “Московского Телегафа”, – “Письмо на Кавказ” в “Сыне отечества” за 1827 г. (№ 2, январь), подписанная “Д.Р.К.”, принадлежит Булгарину (ответ на нее Вяземского – “Московский Телеграф”, 1827. № 3 (февраль)). См.: Салинка В. Письма Н.А.Полевого к С.Д.Полторацкому // Lietuvos TSR aukštųjų mokyklų mokslo darbai, Literatūra, IX, 1966, s. 308. Свод свидетельств и последующих расшифровок см.: Флейшман Л.С. Из истории элегии в пушкинскую эпоху // Пушкинский сборник. Рига. 1968. С. 47–48.

СБОРНИК СТАТЕЙ
К 60-ЛЕТИЮ
ПРОФЕССОРА
СЕРГЕЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ФОМИЧЕВА

ПУШКИН И ДРУГИЕ

НОВГОРОД
1997